

Неопубликованные статьи Н. А. Маркевича против О. И. Сенковского («Шалости и фарсы лорда Меркуейча»)

В истории литературных контактов русского и украинского народов почетное место принадлежит Н. А. Маркевичу, Николай Андреевич Маркевич (1804—1860) — поэт, историк, этнограф, фольклорист — родился и большую часть жизни провел на Украине. Учился в Благородном пансионе при Петербургском университете вместе с А. С. Пушкиным, С. А. Соболевским, М. И. Глинкой. Находился в приятельских отношениях с А. С. Пушкиным, В. А. Жуковским, П. А. Вяземским, В. К. Кюхельбекером, а позже с Т. Г. Шевченко, Е. П. Гребинкой, М. А. Максимовичем. Он был знаком или переписывался с видными представителями декабристского движения, русской и украинской культуры, в частности, с К. Ф. Рылевым, И. И. Пущиным, Н. В. Гоголем, И. П. Котляревским, М. С. Щепкиным.

Н. А. Маркевич получил в свое время известность как автор поэтического сборника «Украинские мелодии» (1831), пятитомной «Истории Малороссии» (1842—1843), статей по истории и этнографии, как составитель книги «Народные украинские напевы» (1840).

Значительный историко-литературный интерес представляет ряд неопубликованных архивных материалов, среди которых цикл произведений под общим названием «Шалости и фарсы лорда Меркуейча», написанный Н. А. Маркевичем в 1843 г. и направленный против О. И. Сенковского.

Осип Иванович Сенковский (псевдонимы: Барон Брамбеус, Тютюнджи-Оглу и др.; 1800—1858) был известен как писатель, ученый-востоковед, но более как редактор первого в России коммерческого журнала «Библиотека для чтения», отличавшегося литературной и политической беспринципностью.

Против журнала и его редактора неоднократно выступал В. Г. Белинский. Апогеем этой борьбы стала литературная полемика по поводу первого тома «Мертвых душ» Н. В. Гоголя, развернувшаяся в 1842 г.

Выступления «неистового Виссариона» против «Библиотеки для чтения» полностью или частично поддерживали А. С. Пушкин («Письмо к издателю»), Н. В. Гоголь («О движении журнальной литературы в 1834 и 1835 годах»), В. К. Кюхельбекер («Поэзия и проза»), В. Ф. Одоевский («О нападениях петербургских журналов на русского поэта Пушкина»), а позже — Н. Г. Чернышевский («Очерки гоголевского периода русской литературы»).

Негативную оценку деятельности О. И. Сенковского со стороны передовой части русского общества отразил, как уже от-

мечалось, и цикл произведений Н. А. Маркевича, который никогда не публиковался (должно быть, автор, живший далеко от центров культуры, вовремя не сориентировался в литературной жизни, упустил момент и материал утратил злободневность), а ныне хранится в его архиве в Институте русской литературы (Пушкинском Доме) АН СССР, состоит из восьми эпиграмм, семи статей и интересен тем, что многими своими мотивами близок высказываниям В. Г. Белинского 1830—1840 гг. Так, еще в 1834 г. в «Литературных мечтаниях» В. Г. Белинский, акцентируя внимание читателей на коммерческой направленности журнальной литературы, иронично назвал современный ему этап (предыдущий был Пушкинским) развития русской словесности «Смирдинским» (по фамилии книгопродавца, издателя «Библиотеки для чтения»), подчеркивая торговый, а по сути продажный характер отдельных периодических изданий. «Гениями Смирдинского периода» были определены Барон Брамбеус, Греч, Булгарин, Кукольник: «Что сказать о них? Удивляюсь, благоговею — и безмолствую!» [1, т. 1, с. 100].

Этот тон подхватил Н. А. Маркевич, объявив редактора «Библиотеки для чтения» ни много ни мало «Вольтером II-ым»: «...у нас есть — Вольтер... (...): Осип Иванович Сенковский. Не глядите на меня с таким изумлением. (...) Неужели вы забыли шестьдесят томов «Библиотеки для чтения», творения знаменитого, в котором гораздо больше страниц, нежели во французском Вольтере» [3, об. 4—5].

Известно, что в журнале Барона Брамбеуса в первые годы издания печатались многие знаменитые современники (А. С. Пушкин, В. А. Жуковский, М. Ю. Лермонтов, В. И. Даль и др.), в дальнейшем от него отвернувшиеся. Их произведения, естественно, были разными и в жанровом, и в стилевом отношении. Но раз уж Меркуейч взялся приписывать все, опубликованное в «Библиотеке для чтения», «Вольтеру II-ому», то комический эффект в данном случае достигался перенесением заслуг авторов журнала на его редактора. Выходило, что О. И. Сенковскому подвластна манера письма и Пушкина, и Жуковского: такой «замечательный» стилист. «И от того-то происходит это разнообразие, которого ни в каком писателе» не встретить [3, об. 7]. Но есть у него и другие «заслуги». По словам В. Г. Белинского, при анализе одного из современных произведений Сенковский «изложил всю систему анатомии, физиологии, электричества и магнетизма (подчеркуто В. Г. Белинским. — С. К.), о коих и помину нет в упомянутом романе: признаюсь — чудесная критика!» [1, т. 1, с. 100]. А мнимый «лорд», «превознося» нового «мыслителя», иронизирует по поводу известности Барона Брамбеуса не только как прозаика и поэта, но и как политика, математика и физика; а «как философ он... доказал, что Дева, Луна и Мечта вредны для народной нравственности. Этого В(ольтер) I-й никак не мог доказать». Никто, издевается Н. А. Маркевич, не может равняться с ним,

поэтому «да здравствует Вольтер II-ой и его супруга «Библиотека для чтения» [3, об. 9—10].

По замечанию В. Г. Белинского, «Библиотека для чтения» взяла «на откуп всю нашу словесность и всю литературную деятельность ее представителей»: «торговое направление» возмущало многих современников. Девиз: «Не продается вдохновенье, но можно рукопись продать», меньше всего подходил этому изданию, поскольку, по мнению В. Г. Белинского, «Библиотека для чтения» «виновата не в том, что дорого платит российским авторам, а в том, что надеялась, разумеется, для благосостояния собственного своего кармана, наделать талантов посредством денег». Но «нельзя создать деньгами таланта»; «творить все из ничего может один только бог, а не «Библиотека для чтения» [1, т. 1, с. 99].

Н. А. Маркевич, в силу своих политических убеждений не поднимаясь до подобного уровня понимания проблемы, возмущался именно формой купли-продажи литературных произведений, процветавшей в журнале О. И. Сенковского и в результате которой редактор имел право как угодно переделывать написанное: «Положим даже, что не «Барон Брамбеус» написал многие статьи из названных мною. Но он заплатил за них авторам, он заплатил за напечатание типографщику, и так они его. Разве не нужна и на это гениальность?» [3, об. 9].

В 1842 г. в «Литературном разговоре, подслушанном в книжной лавке», В. Г. Белинский прямо обвинил О. И. Сенковского «в дурном тоне, в плоскостях, в сальностях, в явном незнании русского языка и русской грамматики». Утверждения подкреплялись фактами [1, т. 4, с. 361—363]. Более всего досталось слогу произведений Барона Брамбеуса и его рассуждениям о русском языке, которого «Библиотека для чтения» не знает, «что можно доказать из каждой ее страницы, наполненной всяческих обмолвок против духа языка, ошибок против его грамматики, барбаризмов, солецизмов и, в особенности, полонизмов» [1, т. 4, с. 355].

Стилистические ошибки О. И. Сенковского, его нововведения в русском языке подвергались едкому осмеянию и со стороны Н. А. Маркевича: «Сенковского читают и в Китае». Он это сам рассказывает, следовательно, он знает русский язык [3, об. 19].

О слоге «господ Сенковского, Брамбеуса и Тютюнджи-Оглу» мнимый «лорд» помнит постоянно; не пропуская случая высказаться. Но самой едкой в этом отношении является «Эпиграмма с аппендиксом». Сама эпиграмма строится на основе языковых ляпсусов Барона Брамбеуса, «аппендикс» состоит из кратких комментариев к ним:

Накатывает он читателей своих;

Из выгод шутом стал российского народу;

Для имовитости ругает оных, сих,

И соваётся, ах! Не зная броду — в воду.

Свой ум по всей Руси как скатерть расстелил;

Журнальный крокодил, чернит все то, что бело;
Победную хоругвь на *польце водружил*,
И деньги дробные в карманы прячет смело [3, об. 27].

Приведем лишь отдельные комментарии «аппендикса»: «*Накатывает*» — «когда дело идет о читателях, то никто не знает лучше г-на Сенковского, какое слово должно употреблять: надувать или накатывать»; «*имовитость* значит богатство; (...) если знаменитость происходит от знаменитый, даровитость от даровитый, то почему ж не происходит *имовитости* от слова богатый»; «но всего лучше деньги *дробные*, за неимением крупных билетов сохранный казны; и это все знают» [3, об. 27—28].

«Критика в «Библиотеке для чтения» всегда пуста», — замечал В. Г. Белинский в статье «Русская литература в 1841 году» [1, т. 5, с. 575] и обращал внимание читателей на заявление журнала, что «критика — вздор, шарлатанство, ибо-де критика есть не что иное, как личное мнение, «ничтожная, беспоследственная, частная болтовня» ... мы очень рады этому «известию»: оно объяснило нам, что такое критика в «Библиотеке для чтения» [1, т. 5, с. 573].

При обращении к этой теме сарказм Н. А. Маркевича достигает пика. Основываясь на фактах и на вполне сложившемся общественном мнении, Меркуейч предлагает исключить «Библиотеку для чтения» «из списка книг и поставить в список ямских ругательств, кабацких остроумий и матросских наглостей» [3, об. 11]. Его выводили из себя околосредствительные шутки О. И. Сенковского, задевавшие человеческое достоинство литераторов: одного Барон Брамбеус направлял в сумасшедший дом [3, об. 29], другим ставил в вину их бедность [3, об. 30], издевался над провинциализмом третьего [3, об. 31]. «Критикуйте книгу, господин критик, — восклицал Меркуейч, — не говорите пустяков; какое нам дело до того, где и чему обучался» тот или иной литератор. «Он написал книгу, мы хотим знать, в чем она вам нравится или не нравится. Когда вы написали ваш бред, в котором вы вскочили в Этно, мы решили, что ваше сочинение дрянное сочинение, но не заботились о том, секли ли вы мальчишек, когда были учителем, или вас секли учителя, когда вы были мальчишкой» [3, об. 31].

Призыв Н. А. Маркевича был созвучен демократической критике, поскольку В. Г. Белинский, а позже Н. Г. Чернышевский решительно выступали против произвола и субъективности оценок в критике, тогда как О. И. Сенковский еще в самом начале своей журналистской деятельности открыто их проповедовал.

Однако в «Шалостях и фарсах лорда Меркуейча» встречаются замечания и на темы, которых В. Г. Белинский не рассматривал. Прежде всего это касается милой сердцу Н. А. Маркевича Украины. Он был далек от воззрений революционеров-демократов, не видел социальных противоречий в российском обществе, но остро ощущал национальное угнетение народа. Язвительность, ироничность Меркуейча переходят в яростное

обличение, когда О. И. Сенковский, «толкую» о Малороссии, называет ее «микроскопической страной», любовь к ней как к Родине — «покойным казацким патриотизмом», обвиняет малороссию в том, что они «до сих пор не умеют отличить интересу Малороссии как русской страны от личного интересу казачества», оправдывает магнатов, «гонителей веры и истязателей пленников» [3, об. 35—36]. Эпиграмма «Врагу Украины» как нельзя лучше отражает эти связи настроения Н. А. Маркевича:

Какой бы дали мы ответ
Взбесившейся собаке,
Когда грызет она весь свет
И с каждым вечно в драке?
Ругатель чести целых стран,
Плюгавец! Отвечай-ка!
Какой ответ быть может дан
От нас тебе?.. Нагайка! [3, об. 2].

Таков был ответ на критику «Истории Малороссии» журналом О. И. Сенковского.

В это же время появилась рецензия без подписи на труд Н. А. Маркевича в журнале А. А. Краевского «Отечественные записки». Как стало известно позднее, автором ее был В. Г. Белинский. Рецензируемое произведение служило отправным пунктом для изложения революционно-демократических взглядов на исторический процесс. Этим статья и важна до сих пор. Правда, как отмечает Е. М. Косачевская, «многие из критических замечаний вытекают из ошибочных позиций самого рецензента. ...состояние историографии — отсутствие работ по истории Украины и тем более истории украинского народа — не позволило Белинскому правильно оценить труд Маркевича» [2, с. 10].

Н. А. Маркевич отвечает на рецензию В. Г. Белинского статьей «Мнение лорда Меркуейча о литературных заслугах г-на Сенковского, писаное языком г-на Краевского». Достается и «Библиотеке для чтения» (рекомендуется, например, вникнуть «внимательно в Гомера, переделанного господином Сенковским под песню «Антон козу ведет» [3, с. 18]) и «Отечественным запискам» (пародируется стиль статей, негативно упомянуты статьи А. И. Герцена «О дилетантизме в науке» [3, с. 18]). Но заканчивает Н. А. Маркевич статью ядовитой насмешкой над О. И. Сенковским (хотя заключительные слова нарочито взяты из последнего абзаца рецензии В. Г. Белинского [1, т. 7, с. 65]): «...вы увидите, что скоро переделыватель Гомера станет ...плясать «Камарицкую» точь-в-точь как ее пляшут в Камарицкой волости. (...) И это сбудется, читатели, это сбудется; таковы коллизии миродержавного промысла» [3, об. 18].

О том, что при сравнении «Отечественных записок» и «Библиотеки для чтения» Н. А. Маркевич отдавал предпочтение журналу А. А. Краевского, убедительно свидетельствует эпиграмма мнимого «лорда»:

О сколь велик и мудр наш Первый Журналист!
Отчизны нашей честь и слава пан Щенковский!
Народ, Россияне! Прочтите каждый лист:
Везде виленский слог и ум вполне чертовский.
Сколь слаб в сравненьи с ним его Антогонист,
Которого язык ни русский; ни литовский;
Гуманиорствуя, присяжный Гегелист,
Он всех смешит собой. Наш Гений не таковский:
В сравненьи с мужем сим заслуживают свист
Костров, Бобров, Чулков и сам Тредиаковский [3, ол. 14].

Таким образом, весьма существенным в выступлениях Н. А. Маркевича против О. И. Сенковского следует считать отрицательное отношение к литературному и политическому направлению «Библиотеки для чтения». Оценки, данные Н. А. Маркевичем О. И. Сенковскому, грешат рядом недостатков. Они базировались на просветительских идеях, не затрагивали основ самодержавно-крепостнического строя, способствовавшего появлению сенковских, были далеки от революционно-демократических оценок В. Г. Белинского. Но сам факт выступления Н. А. Маркевича в 1843 г. в разгар борьбы В. Г. Белинского за поэму Н. В. Гоголя «Мертвые души», за реалистические принципы формирующейся «натуральной школы» свидетельствует о том, что статьи и эпиграммы против О. И. Сенковского шли в русле передовой русской критики и объективно содействовали укреплению ее позиций.

1. Белинский В. Г. Полное собрание сочинений: В 13 т. М., 1953—1959.
2. Косачевская Е. М. Н. А. Маркевич: 1804—1860. Л., 1987. 3. Шалости и фарсы лорда Меркуейча // РО ИРЛИ. ф. 488, д. 13.

Статья поступила в редколлегию 14.03.88